Приложение к № 146 „Рабочей газеты“. Цена 17 р. 50 к. вместе с № газеты.

КРОКОДИЛ

ВОСКРЕСЕНЬЕ
27 августа 1922 года

№ 1 (13).

— Неожиданное приложение...

Красный крокодил—смелый из смелых!—
против крокодилов черных и белых.

Писатели не для «господ», а для «простонародья»,
В пору нэповского половодья,
Когда НЭП, накопляя жирный ил,
Стал походить на мутный Нил
И когда можно видеть поминутно,
Как там, где наиболее мутно,
Орудует крокодилье племя,
Решили мы, что пришло время
Для очистки нэповского Нила
Выпустить **КРАСНОГО КРОКОДИЛА.**
КРАСНОМУ КРОКОДИЛУ честь и хвала!
Ему предстоят большие дела:
ДОБИРАТЬСЯ ДО ВСЯКОЙ ГНИЛОСТИ
И ВОРОШИТЬ ГНИЛЬ БЕЗО ВСЯКОЙ МИЛОСТИ,
ЧТОБ НЭПОВСКАЯ МУТЬ НЕ ЦВЕЛА
И НЕ ГНИЛА,
ВОТ КАКОВА ЗАДАЧА КРАСНОГО КРОКОДИЛА!
Мы-же,
Подписавшиеся ниже,
Кто пером, кто помелом,
Воздавая «коемуждо по делом»,
Приложим все наши старания,
Чтоб достойно описать все его великие деяния.
На том бьем вам, товарищи, челом!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ И КРАСНОКРОКОДИЛЬЯ КОМПАНИЯ.

■ ■ ■

На зубок „Крокодилу".

(АНКЕТА).

Ллойд-Джордж.

Крокодилы водятся в Ниле. Нил протекает в Египте. Египет находится под протекторатом Великобритании. Требую возврата частной собственности бывшим владельцам.

Бывший патриарх Тихон.

Чудище обло, озорно, стозевно и лаяй.

Архиепископ Антонин.

Что-ж!.. Несть бо и крокодила, аще не от бога.

Тов. Мейснер из Главрыбы.

Водится в реках, значит—рыба. Отношением за № 13562700000 занести в учет осенней путины.

Тов. Зоф из Моркома.

Ничего подобного! Не рыба, а военмор. Объявить мобилизованным и зачислить на паек.

От „**Крокодила**": не тем питаемся!..

Профессор Ключников.

Было приложение, явился „Крокодил".. Приветствую смену вех!

Анатолий Васильевич Луначарский.

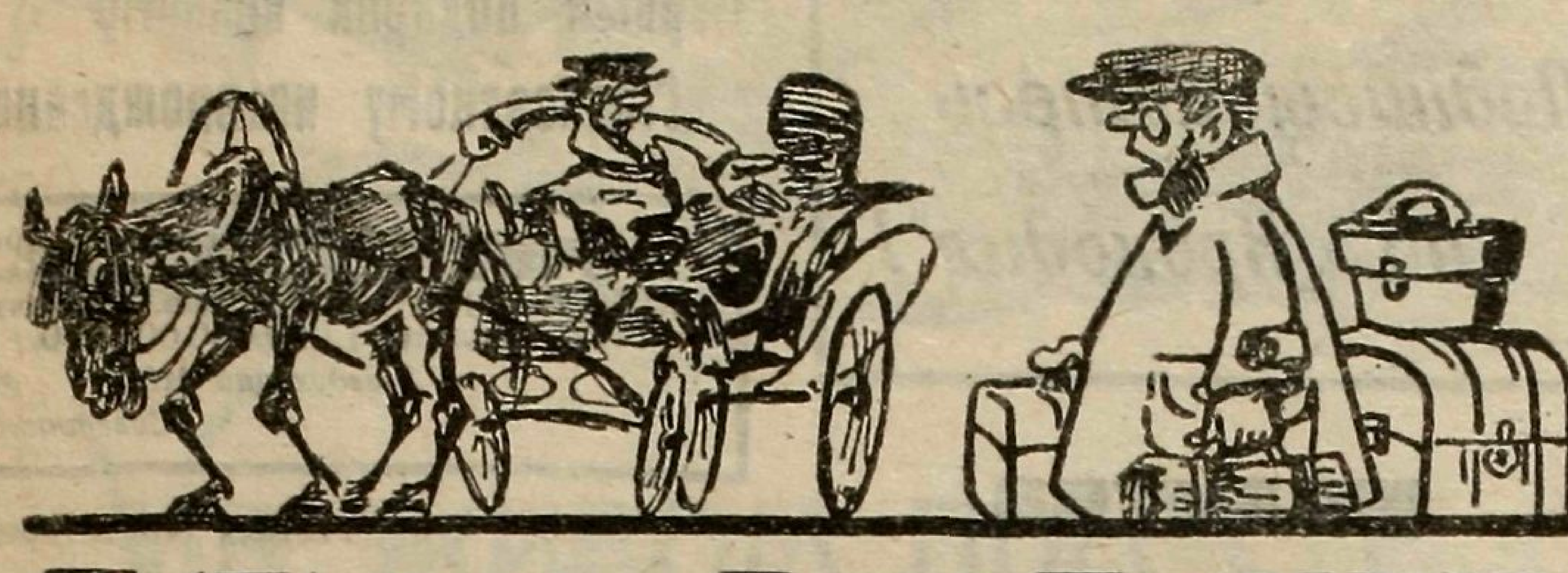
Прислал свою последнюю лирическую сонату.

В зверинце, как принцу,
Сред мух и какаду
Устрою герою
Аркадию в пруду.
Алея и млея,
Плескаться на краю—
Не жизнь, а лилея—
Совсем Иван в раю.
Все возьмет и все сотрет
Крок!
Всех найдет и всех сожрет
Крок!
Купаться, купаться
Он сможет на заре.
Копаться, копаться
В своей большой ноздре.
Отдаться, отдаться
Не думать ни о чем,
Быть ясным, прекрасным
Всевидящим лучом.
Нет таких путей—дорог,
Где бы скрыться путник мог,
Всех нагнал и подстерег
Крок!
Вселенская месса!
Всевышнего печать!
Все новые пьесы
Ему-б я стал читать.
Не ахнет, не охнет,
Прослушавши меня.
Иссохнет и сдохнет
Спустя четыре дня.
Все возьмет и все сотрет
Крок!
Всех найдет и всех сожрет—
Крок!

ОТ РЕДАКЦИИ:

По случаю рождения, „Крокодил" на зубок принимает. Вперед советуем на зубок не попадаться.

■ ■ ■ ■

ПИСЬМА ЗНАТНОГО ИНОСТРАНЦА

Мистер Стьюпитхед сводит знакомство с крокодилом.

Дорогие друзья и соотечественники!

Я едва смог опомниться после вчерашней кошмарной ночи. Я чуть не лишился способности речи и торговли. Однако расскажу все по порядку...

Еще с вечера я был в нервном состоянии,—меня давили впечатления дня. Дело в том, что я днем убедился, насколько правильно утверждение нашего милого „Таймса" о том, что Советы и Коминтерн подрывают наше влияние на Востоке.

В это утро в Москве я видел массу восточных народностей, которые сидят на корточках на каждом перекрестке с целой кучей каких-то банок и шпионят за нами, англичанами. В банках у них, очевидно, динамит. Когда я проходил мимо них, они острым взглядом смотрели мне на ноги, повидимому готовясь бросить бомбу и что-то говорили о моих штиблетах.

Москва вся кишит этими восточными революционерами. Достаточно притти куда нибудь в клуб, как вы только и слышите: — Арап, арапа запускает и т. д. Самих этих арапов я не видел,—очевидно, они сидят где нибудь в уединении и там вырабатывают свои адские планы (боже, спаси короля).

По улицам ходят восточные женщины-революционерки и упорно хватают вас за руки, требуя деньги и предсказывая последние дни английскому капиталу...

В городе я закупил полный комплект Московских газет, решив вечером основательно познакомиться с советской прессой. Но читать мне не пришлось: я так устал за день, что, едва придя в гостинницу, уснул, как мертвый.

И тут начался мой кошмар...

В полночь газеты вдруг ожили. Первыми выскочили из телеграмм Пуанкаре и наш милый сэр Ллойд-Джордж и, можете себе представить мой ужас, когда я увидел, как этот мясник Пуанкаре на моих глазах перекусил горло сэру Ллойд-Джорджу. Забастовавшие рабочие из разных частей света, выпрыгнув из радио, подняли наглую пляску вокруг моей постели, махая перед моими глазами чем то красным, словно я был бык, а они матадоры. В ужасе я вскочил с постели. И сразу же попал к красным купцам с Нижегородской ярмарки, которые не спеша вылезли из фельетонов и, ударив меня по голове каким то трестом, вдруг стали вешать меня и отмеривать, крича:—вот лучший английский товар. Франко—Нижний.

Я метнулся от них и попал в хоровод об'явлений, на лету проглотив с десяток сахариновых таблеток самого скверного качества. Какая-то шикарно одетая дама крепко вцепилась мне в ногу, с криком:—ищу квартиру из пяти комнат.

Я отскочил от нее и вдруг увидал хорошенькую шансонетку с последней страницы, в руках у которой была бутылка вина. Я устремился к ней, чтобы найти успокоение на ее груди. Но мне загородила дорогу колоссальная фигура „Продналога", выползшего из подвала. Продналог засыпал мне лицо отрубями и, встряхнув меня несколько раз за шиворот, рявкнул, как извозчик: „Ну, что? Будешь теперь торговать

Нагорная молитва Пуанкарэ.

... И остави нам долги наша...

... якоже и мы оставляем должником нашим

... и введи нас во искушение...

... но избави нас от лукавого.

Рисунки худ. Б. Ефимова.

Подписывайтесь на „Крокодил"!

Первый подарок всякому Московскому новорожденному.

> **Счет** за место, занимаемое крокодилом в Москве-реке. Кубатура—150.000 литров. Причитается к уплате: 1.000.000.000.000.
>
> *Заведующий МКХ*
>
> *Советников*

с нами?" Я закричал. Но голос мой звучал глухо и неслышно,—и я с ужасом почувствовал, что нахожусь под стеклянным колпаком „Рабочей Газеты". Вокруг меня метались и выли нэпманы и взяточники.

Целым дождем посыпались на меня декреты и постановления, а какой-то рабочий с размаху сбил меня с ног, напевая: — Эх! Вырабатывайте сами свои законы.

И здесь появилось самое страшное, что я когда либо видел в жизни. „Рабочая Газета" вдруг раздулась, распахнулась и вывалилась на середину комнаты. Прорвав газетные листы, в комнату вылез огромный крокодил и, разинув свою страшную пасть, кинулся на меня. Я не видал таких ни на одной фотографии. Его огромные зубы коснулись меня и...

Я проснулся. Сердце почти не билось, рубашка была совсем мокрая.

И вот даже сегодня, когда прошло целых 12 часов после этого кошмара, я не в состоянии еще притти в себя.

Что то будет со всеми нами. Боже храни короля.

Стьюпитхед Эсквайр.

■ ■ ■ ■

НА ЖИВОМ ПОГОСТЕ.

Кладбищенский сторож Пафнутий, обходя дозором вверенный его наблюдению погост, усмотрел, что многие покойники вылезли из могил и преспокойно сидят на вольном воздухе.

— Это по какому случаю? — удивился сторож Пафнутий. — Нешто показано, чтоб усопшим на наруже торчать?..

Один из покойников, Утоплый Труп Мертвого Человека, почтительно ухмыльнулся и произнес:

— Нэп.

— Все нынче это самое слово заладили! — рассердился сторож Пафнутий. — Нэп, нэп, а которое тут до вашей братии касаемое? Нешто, ежели нэп, то сейчас тебе и всякое антисанитарное безобразие?.. Брысь по местам!

Но Утоплый Труп Мертвого Человека сказал:

— Тут происходит недоразумение, гражданин страж! Вы принимаете нас за тех покойников, которые не имеют ничего общего с текущей действительностью: за каких-нибудь действительных статских советников или колчаков... Это ошибка. Мы — представители живого погоста, представители наиболее прогрессивной и наиболее интеллигентной части кладбища. Вот я, например... Отнюдь не скрывая своего буржуазного происхождения, могу заявить, что я, несомненно, стоял бы почти на советской платформе... если бы не сидел сейчас на могильной плите! И мы полагаем, что вопрос о нашем исходе из могил и сотрудничестве с...

— Совершенно справедливо-с!—перебил Утоплого Трупа в бозе почивший иерей. — Мы не из оных, а из сих, гражданин! Если пожелаете, то я, например, мог бы отслужить панихиду даже по Льву Толстому и записать сего старца, отлученного от старой церкви, в поминовение. Кому желательно, граждане? За вечное поминовение — по миллиону с присутствующего, за однократное — всего по сотне тысяч... Кто пожелает заказать?

— Обождите, батюшка, — вмешался усопший от несварения желудка профессор: — это успеется! Прежде всего, необходимо констатировать, что без теснейшего сотрудничества с передовой интеллигенцией Советская власть не справится со своими задачами. Вот почему мы...

— ... Должны настаивать на отмене приговора по делу эсеров! — выкрикнул из-за спины усопшего профессора покойник-адвокат.

Покойник-коммерсант добавил:

— Главное же представительство в советах!

Покойник-инженер дополнил:

— И приличная тантьема...

А покойник-литератор присовокупил:

— Некоторая свобода печати всех направлений при некотором самопреодолении коммунизма, и... Гражданин сторож Пафнутий! Приветствуя в вашем лице представителя местной власти, мы, группа живых покойников, охотно раскрываем вам свои об'ятия. Пожмите наше честные, прогрессивные руки, гражданин, — и рука об руку пойдем мы с вами по пути обновления нашей многострадальной родины! Ура! Да, здравствует новая политическая политика!..

Кладбищенский сторож Пафнутий рассказал мне обо всем этом своими словами и закончил:

— Тьфу!..

— Ну, а дальше? — спросил я.— Что ж вы?

Сторож Пафнутий еще раз сплюнул и сказал:

— Да, что ж я... Прицыкнул маленько и приказал, чтоб по местам сидели, не шебаршили. Ежели им охота на наруже сидеть, — пущай себе! Ну, подмести, прибрать, дорожки почистить, — это тоже возможно. А уж шебаршить, да к живому человеку в обнимку лезть, — ну, нет! Цыц! — говорю. — На места!

— А они?

— Известно, обиду показали. «Почему ж, мол, такое недоверие?»

— А вы?

— А я, что ж... Упокойники: чего ж там доверять им или не доверять? А только, как взгомозились-то они, — уж очень дух чижолый от них: беда!.. Ну, я и того: сидеть, — говорю, — сидите на воздухе, но чтоб у меня...

Сторож Пафнутий поднял палец и погрозил:

— ... Сверх обыкновенного не смердеть!

Грамен.

■ ■ ■

В наши дни.

Посмотри, в избе мерцая, светит огонек,
Возле девочки малютки собрался кружок,
И с трудом, от слова, к слову пальчиком водя,
По печатному читает мужичкам дитя.
То декрет о продналоге, чтобы сдать в райком,
Тихо девочка читает поздним вечерком.
Чешут ниже поясницы: ах, растак! их мать.
Ничего тут не попишешь, надо отдавать.
И на утро у райкома мужики снуют,
За подводою подвода комиссара ждут...

МИХ. АРТАМОНОВ.

Рис. худ. М. Черемных

Слякоть быта.

Гром орудий, свист шрапнели, лязг мечей и груды тел...

— Гей, вперед, к заветной цели!

— Гей, вперед, кто горд и смел!

За идею—жизнь копейка... Пустяки—шрапнельный рой. Пуля — дура, ну, убей-ка: сзади встанет новый строй.

Цель в едином достижении. Цель едина: на врага!

Всяк готов в пылу сраженья прямо к черту на рога...

Был такой товарищ Павел, третьей роты удалец. Далеко себя прославил героический боец: на разведке, в жути лавы—неизменно впереди; впереди с эмблемой славы—красной лентой на груди.

Был у Киева, Ростова, был в Сибири, был в Крыму, бил Меркулова, Краснова и других—героев» тьму.

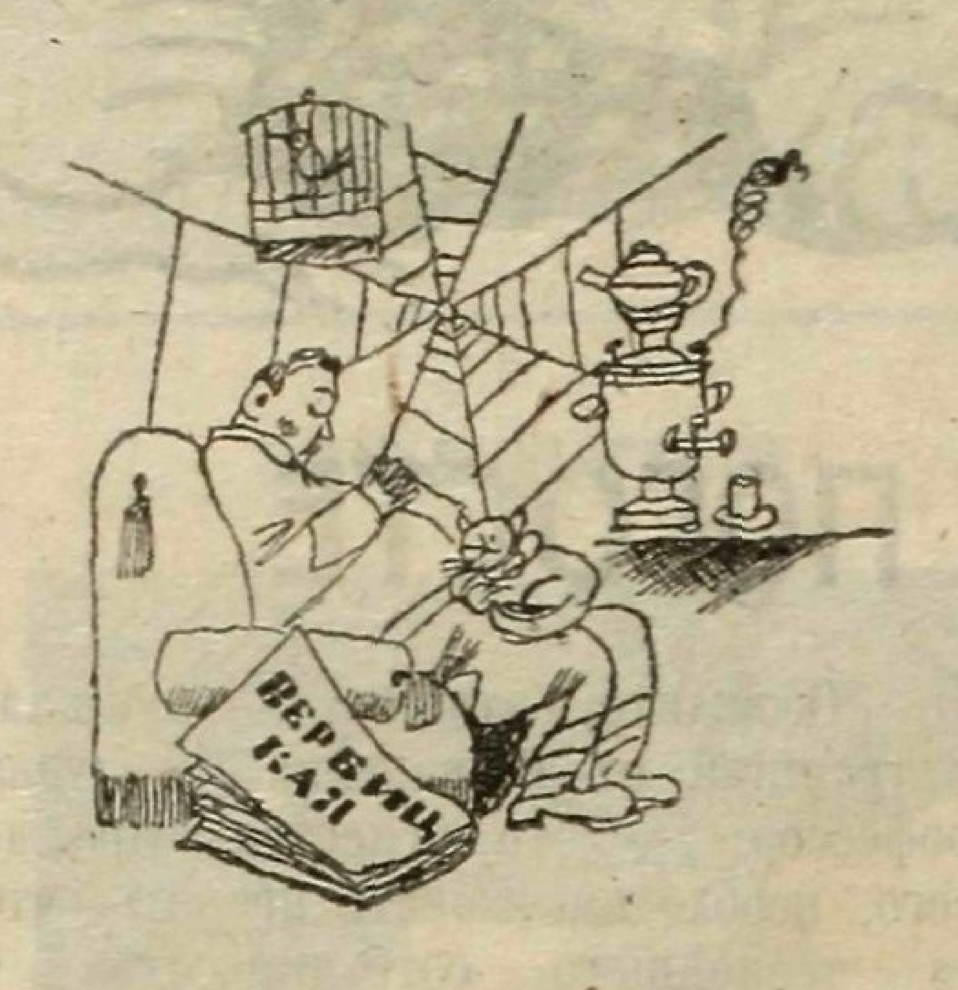
За идею жизнь копейка... Пустяки—шрапнельный рой.

— Пуля дура, ну, убей-ка: сзади встанет строй.

Жизнь—увы—как жизнь нелепа, и глупа как глупый сон. Показалось рыло Нэпа, все гоня на свой фасон.

Всюду мир... Товарищ Павел, на борьбу махнув рукой, бури бранные оставил, удалился на покой.

Все равно... Живет не тужит и от жизни вдалеке кем-то чем-то

где-то служит на хорошеньком пайке.

Умилительной картиной зафиксажен жизни ход: все покрыто паутиной, кенар ласково поет. Самоварчик элегично навевает милый сон, в милом романе отлично говорят *она* и *он*. Дышут страсти ураганом, пышут полымем слова,— инда сдох бы за романом!..

— Не писатель—голова!!!

... Из людей родятся слизни... Пренелепый Нэпый век...

Разлагается при жизни, полный жизни человек...

***

Петр Андреич Семинарский, бурнопламенный студент, был отмечен властью царской, как крамольный элемент.

За хранение подпольных книг, брошюрок и газет посидел в тюрьме невольно и ссылался на пять лет. Ждал:

— Придет пора, восстанем, сбросим с плеч своих господ и бороться не устанем за свободу и народ!

Весь горя в экстазе боя, Петр Андреевич, как набат, призывал, на бочке стоя, к бою пролетариат...

Были красные знамена, были смелые слова, пело сердце возбужденно и кружилась голова...

***

Дождался... Гремела буря. Новый мир вставал и рос. Петр Андреевич, брови хмуря, в воротник упрятал нос.

Стих экстаз... И как-то сразу: сонный мир и мирный сон. Петр Андреевич без экстаза тихим счастьем упоен.

Снова служит и не тужит...

Жизнь, ей-богу,—в самый раз

Жизнь!.. Светло, тепло, не вьюжит, есть провизии запас...

Кот мечтательно мурлычит упоенный миром станс. Туз на

Верстовые

тройке счастье кличет, и светло лежит пасьянс.

Пахнет мирным духом склепа... Жизни—не жизнь, а благодать!

Ведь, коль Нэп'а, значит Нэпа, значит неча и роптать.

***

У товарища Петровой года два тому назад жизнь была новее новой, громче грома канонад.

Целый день гремят призывы, целый день кипят дела. Все, кто живы,—не ленивы, раскалились до бела...

К чорту—кухня! К чорту тряпки! К чорту будничный уклад! Вон по шапке, шляпки, стряпки, генераторы ребят!..

ЖЕНОТДЕЛ

МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ

Целый мир открыт для «бабы», целый мир—бери и жуй. Только муж вот вроде жабы, несознательный буржуй.

Ест поедом с самой свадьбы. Дышит тучами тоски:

— Мне бы, Маша, пожевать бы...

— Ты не штопала носки?..

— Маша, что хочу сказать я: ноне будешь на ночлег?..

(Нешто может быть в понятьи беспартийный человек!!!).

Были склоки:

— Не до кофе! Аль ты, Сенька, обалдел? Тут собрание в Софпрофе, да повестка в женотдел, да без мала пять ревизий, да поездка в Учпрофсож. Проживешь и без провизий, хлебу с луком пожуешь.

Были дни... Душа летела, сердце пело, мозг горел.

Сменой жалкого удела появился женотдел...

***

Вышла нэпа и нелепо посадила солнце в склеп. Вместо розы лезет репа под шарманочный тустэп.

Марь Иванна «расстаралась» дипломат и юбку клеш. В вновь на кухне замоталась, «Сенька» сызнова хорош: то погладит вроде шутки, то понежит под ушко. Жизнь сложилась у Машутки мирно, плавно и легко.

Вот и пышное событье... Дождались!

— Хар-р-рошай сын!

Ожидается прибытье отче Власа для крестин. Прибыл... Всех благословляет. Крякнул... Плюнул девять раз... Марь Иванна приглашает:

— Пригубите, отче Влас.

— И Христос во время оно в граде Кане... ммм... вкушал...

И стаканчик самогона желтой влагой заблистал...

Хорошо!.. Душе отрадно!.. Сердце дремлет... Сердце спит... Только грубо и нескладно НЭП за рюмочкой сопит...

***

Пусть гнилое догнивает, тот, кто может, встанет вновь. Слякоть быта не пугает тех, кто знал борьбу и кровь.

Нам не страшна слякоть склепа; пьянство, спячка и картеж. Смело всадим в рыло Нэпа смеха острый красный нож.

Мы не будем ныть и плакать: тот, кто мертв, пусть слезы льет.

Эй, смелей топчите слякоть!.. Солнце гниль огнем убьет.

В. Кубанский

Рис. худ. М. Черемных

ЗА МЕСТО ПОД ЛАВКОЙ

ОПЯТЬ ЗА ОСМОТР

ЗА

ЗА ПРИЦЕП

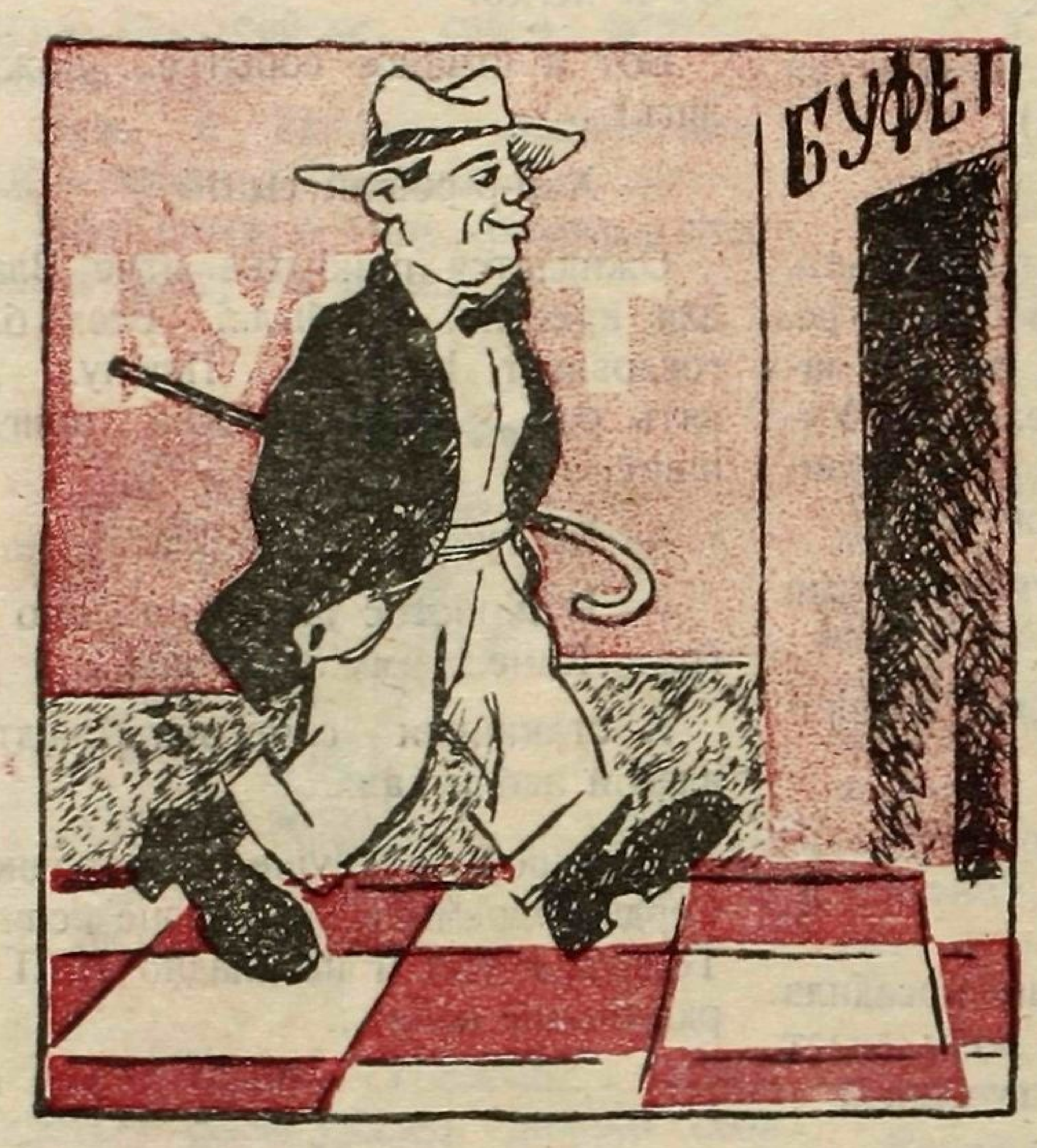
ЖЕНЕ НА ПЛ..ДТЬЕ

СТОЛБЫ.

Шахматная

(Очень обыкновен

1 ход: Пошел пешкой....

2 ход: Гляжу, стоят белые пешки. Стал бить!

3 ход: Конем! конем!...

4 ход: Об'явил шах проходящей королеве.

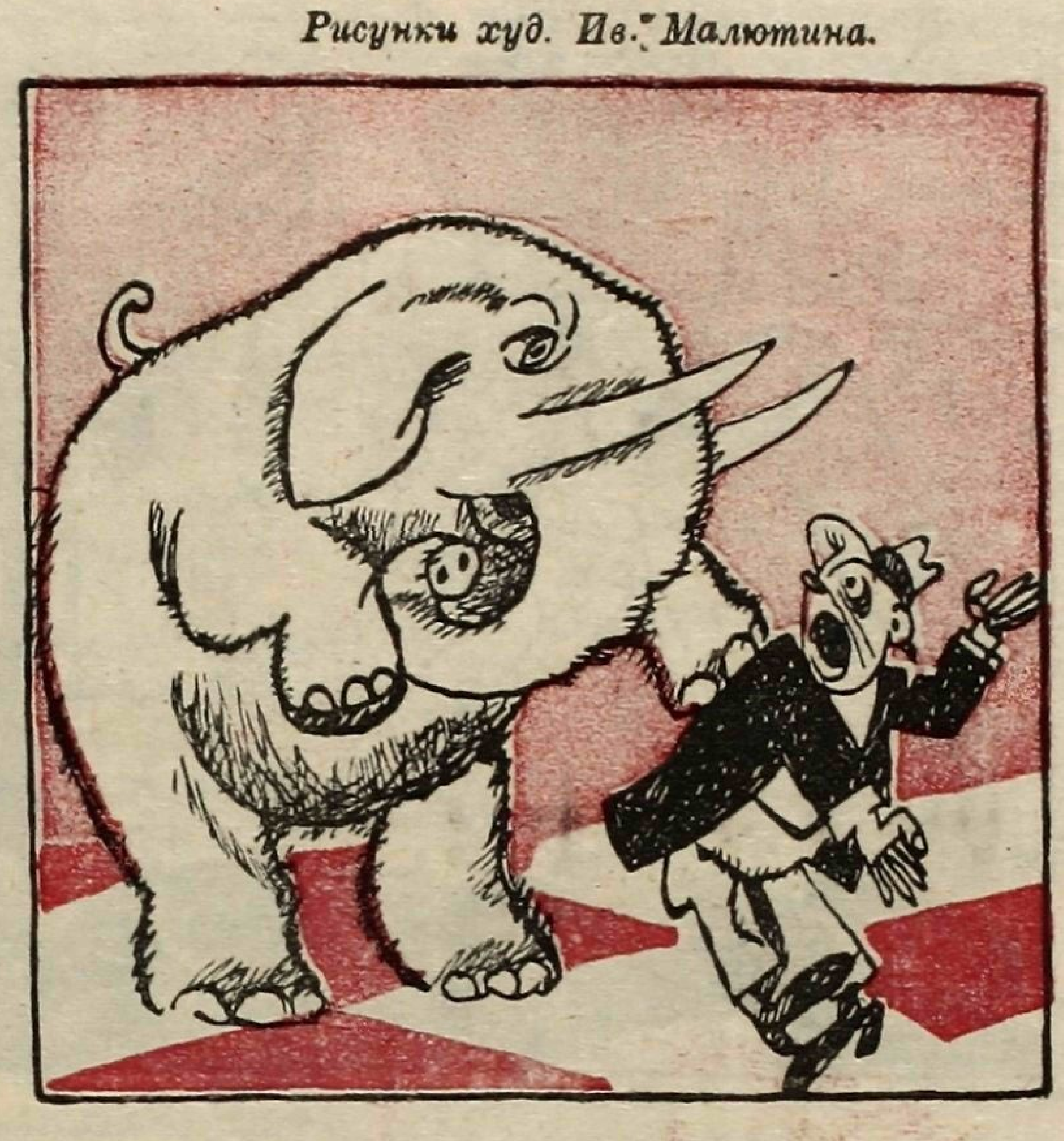
партия.

ная история).

Рисунки худ. Ив. Малютина.

5 ход: Тьфу ты чорт! Белая тура на дороге: не дает проходу, проклятая...

6 ход: Противник пошел белым слоном!!! Мне шах!

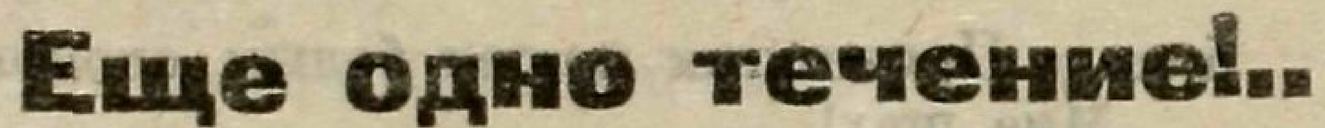
7 ход: Хожу королем во-круг оси.

8 ход: Мат королю!...

Рисунок худ. Бор. Ефимова.

Еще одно течение!..

Профессор Ключников заявил: „Сменовеховцы раскололись на три течения: правое—возглавляемое Устряловым, центр—во главе с Ключниковым и левое—с Бобрищевым-Пушкиным".

В смене вех и смех и грех: хоть кричат, что смена вехов это вам не фунт орехов, а на самом деле их полтора без двух восьмых—да при этом все они, словно летние слепни, так и жалят, так и чкалят, с'есть друг друга норовят, то похвалят, то повалят, надо косточки болят...

Вот Устрялов—крайний правый кочевряжится:

— Эй, свяжитесь вы с Москвой, что окажется!! Пусть-ка лучше покорится нам Московия, все крестьянство, вся столица, все сословия.

А у Ключникова сердце надрывается, центробежным центром „Смены" он считается.

— Вы не правы, друг—коллега! Русь,—ведь, это чудеса!... Там поставлена телега на четыре колеса, знай садись, погоняй, звонко песню распевай, доберемся до ночлега - самоварчик подавай. Только правьте—не лукавьте, забирайте в правый бок!...

— Эй, родные не оставьте! Бей копытом, голубок, сыпь хребтом не дорожа, мы за кучера,—у тебя под хвост возжа закорючила... Тише, тише, в правый бок, шею сломишь, голубок.

— Н—нет, Расея вам не дура—мать Устюшкина,—раздается слева хмуро голос Пушкина.—Мы Расее не указ, та сама направит вас, бросим споры—разговоры, собирайте чемодан, почему так долги сборы, сменовеховцы всех стран.

В смене вех и смех и грех, левый правого шпыняет, правый центру в бок пинает, центру оба нос дерут, все-то голосом орут.

С ручкой Ключников уселся, на писанье разгорелся. Пишет пылко:

— Всем! Всем! Всем! Сразу каждого уем!!. Бросьте споры и насилья, примирю я оба крылья...

Да случился тут случайно случай странный чрезвычайно: он чернильницу свалил... Льется озеро чернил—и какое приключенье!

— Вышло новое теченье!!

Было два, а стало три! Значит снова говори, убеждай, пиши, гори, а теченье (странно право!) льется влево, льется вправо...

В смене вех и смех и грех... Хоть кричат, что смена вехов это вам не фунт орехов, а на самом деле их стало пять и семь восьмых.

■ ■ ■

Пролетарский рассказ.

Когда Леночку Ленточкину в третий раз сократили и ей долго не удавалось выйти замуж,—она решила сделаться пролетарской писательницей.

— Во-первых, денег заработаю, а во-вторых, и прославиться можно,—решила Леночка.

Набрала у знакомых новых революционных книг, брошюр и газет и стала творить.

Вначале творилось туго, но потом Леночка нашла настоящий стиль и через неделю, за чаем, она с трепетом прочла свой первый пролетарский рассказ Нюрочке Несократимой.

КРАСНОЕ УТРО.

Красное солнце встало над красной Москвой. Причудливые облачка громоздились вокруг солнца, образуя сияющий серп и молот. Товарищ Сознательнов простой рабочий высшей квалификации в синей засаленной блузе гордым и твердым победным шагом шел к родному заводу на зов гудка, потирая свои мозолистые руки. Его рабочее сердце, крепкое, как кусок стали, было полно коллективным чувством, хотя он почти ничего не кушал. Он думал о гранках, вагранках и доменных печах, о заводах, приводах и о текущем моменте.

— Как поднять производительность производства. Как пресечь шкурничество, разгильдяйство и прогулы. Как устроить для товарищей разумный культурно-просветительный отдых?—такие мысли мучили Сознательнова, и на могучей, как горы, груди, раздувавшейся, как мехи, колыхался орден Красного знамени.

Мимо прошел какой-то толстый и жирный буржуй.

— Раздавите гадину, железной метлой и каленым железом обуздайте кровососа. Союз управу найдет,—подумал Сознательнов и разошелся с буржуем с мощным единогласным пением «Интернационала». До завода было еще далеко и Сознательнов стал заниматься коллективным пролетарским творчеством:

Встань, товарищ, из пожарищ,
Вся свобода для народа,
Серп и молот выбьет голод,
Что есть духу бей разруху.—

Пусть узнает публика
И буржуи прочие,
Что у нас республика,
И что мы рабочие.

Творилось легко и быстро, словно на субботнике в пользу голодающих братьев крестьян:

Я родился весь из машины
И гудок надо мною кричал —
Не люблю я двухсполовинный
Интернационал...

Вдруг совсем под ногами у Сознательнова закричал какой-то пролетарский малыш.

— Надо отвести его в ясли, — подумал Сознательнов, — у меня еще есть время. А то он сделается папиросником и будет ребенком улицы.

Он поднял этот цветок земли и по дороге в ясли поделился с ним знаниями почти всей первой ступени. Юный пролетарий налету ликвидировал свою безграмотность, и глазенки его горели, как красноармейские звездочки. Оказалось, что он знает наизусть всю программу Комсомола, которую он впитал с молоком матери.

— Я буду твоим шефом! — в восторге вскричал Сознательнов и тут же решил устроить неделю помощи найденышу.

Ясли помещались в доме бывшего вампира - фабриканта, до революции сдиравшего шкуру с рабочих. В яслях было тепло и светло. Малиновыми звонками звенели детские голоса, и детские головки, русые, как спелые колосья, напоминали о товарище урожае.

— Дети — наше будущее, наша надежда, — подумал Сознательнов, открывая красную дверь, увешанную культурно-просветительными и гигеническими плакатами. Навстречу Сознательнову вышла молодая, но старая партийная работница. Ее смуглое пролетарское лицо дышало здоровьем и отвагой. Она крепко пожала мозолистую руку Сознательнова своей, не менее мозолистой рукой.

— Как у вас тут хорошо! А люди отравляются самогонкой! — воскрикнул Сознательнов. — Если бы можно было развернуть это во всероссийском масштабе.

— Бывайте у нас почаще, — предложила женщина-работница. — Свяжитесь с нами.

И, взяв найденного Сознательновым юного коммуниста, она тут же обмыла и переодела его.

— Кем ты хочешь быть? — спросила она, накормив парнишку вкусным обедом из трех блюд.

— Извозчиком, членом красного союза гужевого транспорта, — отвечал он.

Сознательнов счастливо улыбнулся. Но время шло, и ему нужно было спешить на завод.

— Прощайте! — с товарищеским приветом сказал Сознательнов женщине-работнице.

— Заходите чаще, нам нужен рабочий контроль, — ответила она улыбаясь, как солнце Октября.

И в этот миг она была так хороша, что показалась Сознательнову символом охраны материнства и младенчества.

Бодрый, железо-бетонный вышел Сознательнов из яслей.

Приближался родной завод, окруженный обширным совхозом. Совхоз принадлежал раньше пауку-помещику, дравшему шкуру с крестьян. Теперь в нем алым цветом цвело пролетарское земледелие с тракторами и электрификацией. Малиновым звоном звенела в огородах капуста.

Сознательнов спешил: нужно было попасть на заседание завкома, заводоуправления, ячейки, охраны труда и тарифно-расценочной комиссии. Мысли все еще были полны молодой, но старой партийной работницей и текущим моментом.

А над красными заводами, фабриками, мастерскими и кустарными предприятиями красной Москвы все выше и выше полыхало красное солнце, красной краской красило дома, разметавшись крыльями красных зорь.

Е. Ленточкина.

Когда Леночка кончила, Нюрочка Несократимая пришла в неописуемый восторг:

— Послушай, да у тебя настоящий талант. Только вот что: не слишком ли ты революционно написала? Ведь, теперь НЭП!

— Ничего, — ответила Леночка,— я пошлю рассказ в самое революционное издание.

И в тот же вечер рассказ был отправлен на почту. На отдельном листочке Леночка написала свой адрес и добавила:

— Сама я простая работница конторского труда. Мой отец был простым мозолистым рабочим, а дед крепостным крестьянином, которого в детстве барин засек собаками.

Теперь Леночка сидит и страшно удивляется: почему ее рассказ до сих пор не напечатан?

ВАС. ЛЕБЕДЕВ

Госпожа протекция.

Рис. худ. Ив. Малютина.

Головной труд.

Карл Маркс о „Крокодиле“.

Смотри:

„Капитал“, том первый, страница 806, Издание Госиздата.

„Аще не будете яко дети“...

Недавно в Англии капиталисты железнодорожных кампаний об'явили, что рабочие от 18 до 20 лет, считавшиеся до сих пор взрослыми, еще подростки и перевели их на оклад жалованья подростков.

(«Юный Коммунист» № 10—12).

Шум и гам стоит в конторе
У вагонных королей.
Напирает, давиг, спорит
Куча бравых слесарей,
Им кондуктор громко вторит
И прицепщик у дверей.
Смазчик тоже лезет в давку.
— Шкуродерный бросьте спорт!
— Почему опять убавка?
— Не компания, а черт!
— Издевательство,—не ставка!
Тут поднялся от прилавка
Сам хозяин:—здесь не лавка!
Наша фирма первый сорт.
Вы ругаетесь напрасно,
Честь компании чиста,
Поступаем мы прекрасно
По заданиям Христа:
— „Если будете, как дети—
Угодите в рай как раз“.
Мы верны заветам этим,—
Переводим в дети вас.
В этом мире грубом, жестком,
Среди шума и работ,
Так приятно быть подростком,
Без нужды и без забот.
Хоть и мал оклад подростка,—
Верьте в искренность мою—
Вы за то легко и просто
Разом будете в раю.

ВЕКУМ.

Рис. худ. Ив. Малютина.

— „Рассыпные“ врассыпную ..

Вилами в бок.

Ручной труд.

Тоже „смена вех".

Нет, ей богу, жизнь недурная:
Смонинг—вместо галифе,
Всюду блюда есть дежурные
В самом плохоньком кафе.

Говорил я: все уляжется.
И смотрите,—я был прав:
Можно выпить, понуражиться,
Собутыльников собрав;

Дамы снова блещут платьями,
Чортом гнется «человек»;
Не грозит никто из'ятьями,—
Золотой приходит век.

Горы разного товарищу
Гордо смотрят из витрин,
Вместо серого «товарища»
Входит в моду «господин».

Нет, ей богу жизнь прекрасная,
Рыбка в мутной есть воде,
Я готов розетку красную
Приколоть на животе.

И залив мадеру хинною,
(Ведь в душе я либерал),
Я не прочь с приличной миною
Спеть «Интернационал».

Нет, ей богу, жизнь вольготная,—
Масса всяческих утех.
И решил бесповоротно я:
— Об'являю смену вех!

В. КУМАЧ.

ФАКТИЧЕСКАЯ ПОПРАВКА.

В Азербейджанской сводной военной школе имеет большой успех открытое письмо начальника учебной части своим преподавателям такого содержания:

«Тов. преподаватели!
Вы каждый день задаете мне естественный вопрос: «Деньги сегодня будут?» Разрешите вам не совсем естественно ответить: Надейтесь, ибо: «Надежды юношей питают, отраду старцам подают и т. д.» Большего ответа у меня, к великому сожалению, нет.
Начучеб **Беков**».

Вышеподписавшийся тов. Беков, несомненно, большой шутник, но как причастный к части учебной да прочтет он сию крокодиловую поправку:

—Давненько юноши все знают,
И прочим нужно знать всегда:
Что не надежды их питают,
А лишь науки и..: еда!

**
*

ПЬЮЩИЕ СТУЛЬЯ.

В Витебске Губерн. Коммунотдел, в лице своего водопроводно-канализационного управления прислал в Ботанический сад, где стоят ряды стульев перед эстрадой, следующий счет:

«Ботанический сад.

Расчет: число мест 500; каждое место в день употребляет ½ ведра воды, следовательно, расход в день 250 ведер, а в месяц—6.250 ведер».

Местная газета сообщает, что в саду нет даже водопровода, — и если стулья вообще пьют, то только дождевую воду. И мы посоветуем:

—Конечно, НЭП—сильнее яда.
Жесток—«хозяйственный расчет»,
Но звать в свой трест,—увы,—не надо
Небес святой водопровод.

**
*

И ЕЩЕ О ЧУДЕСАХ ПРИРОДЫ.

В Выксе (Нижегор. губ.) природа сыграла весьма некрасивую шутку на вокзале. «Выксунская Правда» описывает событие так:

Около полуночи разразилась буря, выпал град и повредил хлеб. Бурей ломало деревья и ей-же выдавило резервуар (железный) емкостью около ½ миллиона пудов, и отвернуло винты у шестерни, стоявшей напротив резервуаров на Ока-Липня, из которой и выпущено 280 пуд.

Что это? Шутка? Загадка? Или чудо?!

Быть свирепой—вероятно
Уж такой у бури зуд,—
Но, хоть лопни, непонятно
Для чего ей брать мазут!

ПАТРИАРХАЛЬНОЕ СЕЛО.

Симбирская газета «Эконом. путь» помещает корреспонденцию:

«В Уваровском волисполкоме состоит председателем Пав. Ив. Ментов, председателем сельсовета двоюродный брат председателя волисполкома Мих. Мих. Ментов; секретарь сельсовета—близкий родственник последнего Вас. Ал. Ментов; его родной брат Ефим Алексеев Ментов состоит заведывающим столовой АРА в этом селе; помощник его родной брат председателя сельсовета Ал. Мих. Ментов; родной их дядя Мих. Ник. Ментов—член сельсовета, тоже имеющий какое-то отношение к столовой...»

Исаак роди Иакова, Иаков роди Авава, Авав роди Иуду, а Иуда рече: а я не буду: это женская функция.

Спросили-б мы корреспондентов:
—А кто у них начальством ЧОН?
Должно быть «батя» (тоже Ментов...)
И акушеркой также он?..

**
*

ВРАГ ПЕЧАТИ.

Петрозаводская газета «Карельская коммуна» печально грустит и жалуется на зловредного врага своего, остающегося до сих пор безнаказанным за свои злодеяния. Газета сначала рисует патриархальную картину, как красноармеец степенно и сосредоточенно наклеивает газету на витрину, уходит, а потом... Впрочем предоставим разсказ самой газете:

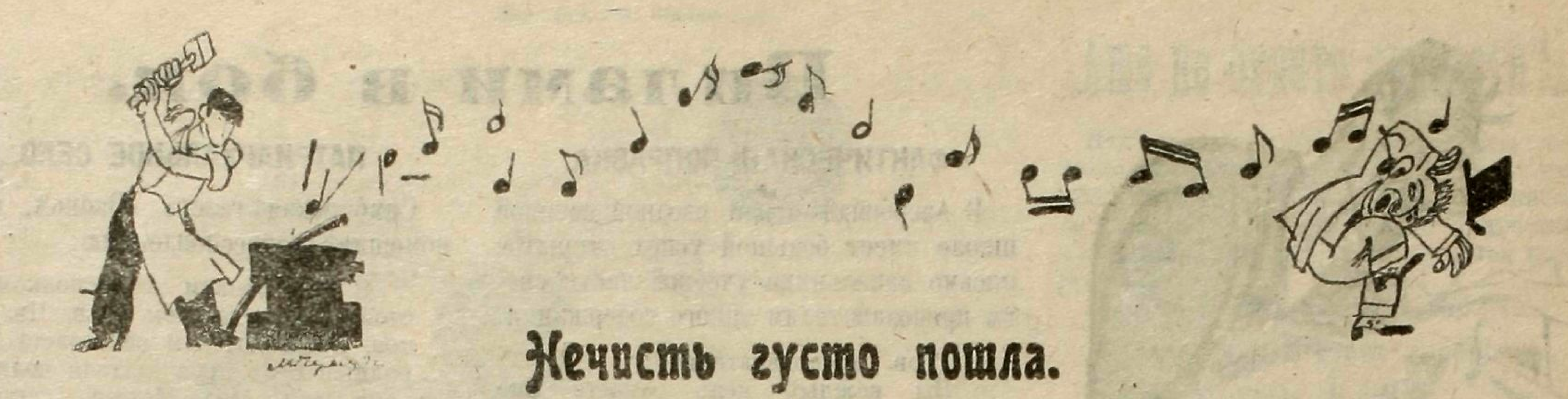
Прохожие, бросая мимолетный взор на листы газеты, плетутся равнодушно мимо...
Но вот из-за угла, мотая хмурой головой, идет уверенно, прямолинейно наш постоянный, преданный читатель на даровщинку.
Одно мгновение... и он уже — на задних ногах, а голова с мочальной бороденкой, оскалив зубы, коротко и резко впивается в концы газеты.
В два счета, и газета—на земле, истерзанная и побежденная. А безнаказанный козел самоуверенно шагает дальше.
И так бывает аккуратно каждый день...

А я-бы (это «Крокодил» говорит) повару иному велел на стенке зарубить:

— Чтоб слов не тратить попустому,
Козла на сутки «посадить»

Нечисть густо пошла.

СПЕКУЛЯНТ.

(Назад тому год).

Н-ну и время! Время—злое.
«Не трудился,—не поел»,—
А иначе средь конвоя
Прогулялся и засел.
Охо-хо! Кругом доели!
Огорчений через край!
От голодной канители
Хоть ложись да помирай

(Теперь).

Хе-хе-хе! Опять возможность
Есть для нас поспекулять.
Соблюдая осторожность,
Можно жить и припевать.
Новый быт-с! Пускай трудяга
Перетянет свой живот,
У кого-ж в душе отвага,
Тот по царски проживет

БУРЖУЙ.

(Назад тому год).

Ну-с, и времячко настало!
В пятках спряталась душа.
От большого капитала
Не осталось ни шиша.
Совнархоз забрал заводы
И открыл рабочим рай.
А вот мне от этой моды
Хоть ложись да помирай

(Теперь).

Будя, будя жить в подполье,
Снова «жить» приходит срок.
Вновь возьму рабочих в колья
И согну в бараний рог.
Ух, нажму! Ы-ых, налягу!
Эх, пожму из люда пот!
Лишь имей в душе отвагу,—
Брюхо сальцем обрастет.

КУПЕЦ.

(Назад тому год).

Пять копеек на копейку.
Я спокойно наживал,
А теперь судьбу-злодейку
За полгроша-бы смотал.
Лавки нет, товар—в неволе...
(Взял Собес себе в сарай...)
От такой тяжелой доли
Хоть ложись да помирай.

(Теперь).

Гро-хо-хо! Не так-то плохо
И в Советской можно жить.
Со времен Царя Гороха
Только умным надо быть.
На Ильинке и на рынке
Я опять торговый царь.
Жизнь поперла без заминки,
Как и прежде, как и встарь.

ТИТУЛЯРНЫЙ.

(Назад тому год).

Где ты, бедный титулярный?
Где ты, честный вечный стул?
Окаянный пролетарий
Подошел и звезданул.
Где божественная взятка?
Где былые «жди» и «дай»?
От такого беспорядка
Хоть ложись да помирай.

(Теперь).

Хи-хи-хи-с... Пускай свобода,—
Снова молвить можно:—«дай»...
Снова светлая погода,
Рысачок и «не Рыдай».
Заживем теперь, ребятки,
Дни печальные—ау!
Не попасть-бы лишь за взятки
Под перчатки Ге-пе-у.

«КРОКОДИЛ».

(Теперь)

Выползая по немногу,
Распоясались во всю.
Наступают уж на ногу
Простофиле—карасю.
Лезет, прет большая сила...
Только... вечно-ль торжество?
Есть зубок у «Крокодила»
Мы посмотрим,—кто кого!
Начинаем! Будет чистка!
Выходи, гнилая муть!

— Слышал новость?.. Слух-то верен (правду-матку видит бог!), что Германии Чичерин нынче отдан под залог.
Дядя мой с ним вместе кушал... Сам я в тех местах ходил...
— Тише!.. Как бы не подслушал окаянный „Крокодил“!.. Всюду, дьявол, влез годы, как заметит, пропадешь... Никакой тебе свободы: вот нисколько не соврешь

„ЖИВАЯ“...

Рис. худ. Д. Моора.

В. Н. Львов. Архиепископ Антонин. Еп. Красницкий.

— Радостно пастырю, егда плоды трудов своих пожнет.

Редактор: Редакционная Коллегия.

Р. Ц. 7-я типография „МОСПЕЧАТЬ“ (быв. Мамонтова).